

ББК Х(0).я43 + Х.я43
У592

Одобрено
Советом Юридического института

Рецензенты:

Сергеев А. Б., заведующий кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Института права ЧелГУ, д.ю.н., профессор;
Барыгина А. А., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, к.ю.н.

Университетские правовые диалоги: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица, 29 – 30 марта 2019 г. / под ред. С.М. Даровских, Г.С. Русман – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – 442 с.

ISBN 978-5-696-05050-8

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги», состоявшейся 29–30 марта 2019 года, посвящен 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица.

Сборник посвящен актуальным проблемам, обсуждаемым в юридической науке. Сборник предназначен для ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических вузов, а также практических работников по юридическим специальностям.

В сборнике публикуются научные статьи исследователей из разных уголков России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Все материалы представлены в авторской редакции.

ББК Х(0).я43 + Х.я43

ISBN 978-5-696-05050-8

© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Россинский С.Б., профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент

О взаимосвязи привлечения в качестве обвиняемого и избрания меры пресечения

Аннотация. Исходя из правовой сущности обвинения как результата дискретных полномочий следователя, основанного на совокупности достаточных доказательств, автор приходит к выводу о недопустимости фактического ограничения срока привлечения лица в качестве обвиняемого ввиду необходимости избрания в отношении него меры уголовно-процессуального пресечения.

Ключевые слова: заключение под стражу; меры пресечения; обвинение; полномочия следователя; привлечение в качестве обвиняемого.

Среди множества вопросов уголовно-процессуальной науки и практики, входивших в круг интересов профессора Ю.Д. Лившица, особое место традиционно занимали проблемы мер пресечения как наиболее строгих правоограничительных механизмов, направленных на обеспечение надлежащего поведения лиц, подвергаемых уголовному преследованию, и требующих создания надлежащего уровня правовой защищенности от следственных и судебных ошибок, от возможных злоупотреблений и иных незаконных действий субъектов уголовной юрисдикции. В этой связи ученый неоднократно обращал внимание на необходимость точного и неукоснительного соблюдения процессуальной формы, установленной для избрания мер пресечения, в особенности, заключения под стражу [6, с. 13]. Подобные позиции традиционно высказывали и многие другие авторы [3, с. 93; 7, с. 18].

Однако при этом некоторые из условий правомерности применения мер пресечения никогда не вызывали особого научного интереса. В частности, правило о предварительном привлечении «адресата» в качестве обвиняемого традиционно воспринималось как само собой разумеющееся; в многочисленных публикациях по данной тематике этот вопрос освещается посредством простого пересказывания или цитирования уголовно-процессуального закона. И на первый взгляд, здесь нет ничего странного, поскольку указанное положение лишь создаёт дополнительные гарантии защищенности личности. Однако это не совсем так.

Ведь само по себе обвинение («уголовный иск») как результат дискретных полномочий следователя формулируется исключительно на основе принципа свободы оценки доказательств. Они может быть выдвинуто

лишь при уверенности следователя в виновности лица в совершении инкриминируемого деяния. В противном случае нарушается один из концептуальных принципов уголовного судопроизводства – презумпция невиновности, а именно требование о толковании всех сомнений в пользу обвиняемого. Поэтому обвинительные тезисы, содержащие сомнительные, «натянутые» позиции, обусловленные недостаточной совокупностью доказательств, незаконны, либо преждевременны. И, таким образом, законодатель не может устанавливать процессуальных сроков для наступления того «кульминационного» момента производства по уголовному делу, когда у следователя появится достаточная совокупность доказательств для выдвижения уголовно-правовой претензии.

Но установленная ч. 1 ст. 171 УПК РФ норма о свободном (дискретном) выборе времени привлечения лица в качестве обвиняемого невольно упирается в процессуальные требования для избрания этому лицу меры пресечения. Установленное ч. 1 ст. 97 УПК РФ правовое условие о возможности применения меры пресечения лишь к обвиняемому (в исключительных случаях – к подозреваемому) фактически сводит на нет всякую свободу оценки доказательств. О каких дискретных полномочиях может идти речь, если необходимо срочно избрать меру пресечения? Ввиду неотлагательности любой из них (а в противном случае мера пресечения, вообще теряет всякий смысл) следователь вынужден предъявлять лицу обвинение в самом начале его уголовного преследования.

Особенно остро эта проблема ощущается в практике применения домашнего ареста или заключения под стражу, избираемых, как правило, после предварительного задержания лица по подозрению в совершении преступления. Ввиду установленного законом короткого 48-часового срока задержания, из которого надо еще исключить время, затраченное на доставку задержанного в орган предварительного расследования, а также 8-часовой срок, оставленный для судебного заседания, в распоряжении следователя для проведения всех необходимых процессуальных действий остаются «жалкие крохи» – немногим более суток. О какой обоснованности обвинения в данном случае вообще можно говорить? Успеть бы провести минимум первоначальных следственных, «на скорую руку» сформулировать обвинение, предъявить его обвиняемому, да подготовить в суд ходатайство об избрании меры пресечения. И еще хорошо, если по делу задержан один подозреваемый. А если их несколько?

Конечно, уголовно-процессуальный закон предусматривает определённый выход из всех подобных ситуаций – возможность воспользоваться правом избрания меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Однако законодатель прямо указывает на данный механизм как на исключительный, подразумевая возможность его использования в редких, очевидно, наиболее сложных случаях, связанных, например, с большим количеством задержанных, удаленностью суда и другими нестан-

дартными обстоятельствами. Тем более, что он всего лишь предоставляет небольшую процессуальную отсрочку – 10 или 30 суток, которых с учетом особенностей многих современных уголовных дел зачастую все равно недостаточно.

Трудно сказать, порождает ли правило о предварительном придании «адресату» меры пресечения статуса обвиняемого какие-либо дополнительные процессуальные гарантии, влияет ли этот механизм на обеспечение его прав. Но посредством подобного законодательного подхода лицо испытывает гораздо бóльшую правовую несправедливость – он становится заложником вынесенного в отношении него априорно необоснованного или преждевременного обвинения, что в конечном счете искажает весь смысл уголовно-процессуальной деятельности и противоречит ее назначению. В этой связи Л.М. Карнеева писала, что преждевременное обвинение, также, как и обвинение запоздалое, влечет нарушение прав лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, и отрицательно отражается на результатах расследования [2, с. 6]. Ф.М. Кудин вообще полагает, что необоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого приводит к неоправданному изобранию в отношении него меры пресечения [5, с. 348 – 349], то есть в контексте наших рассуждений фактически предопределяет некий замкнутый круг.

Правило, в соответствии с которым мера уголовно-процессуального пресечения может применяться лишь в отношении обвиняемого, уходит своими корнями далеко в прошлое. Такой порядок был определен еще в Своде Законов Российской Империи Николая I, перешел оттуда в Устав уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., а затем – в УПК РСФСР 1923 г. и т.д. Поэтому в настоящее время уже достаточно сложно понять замысел наших достопочтенных предшественников, впервые внедривших данную норму в систему уголовно-процессуального регулирования. В данном случае может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Дело в том, что законодательство Российской Империи в принципе не предполагало столь сильной формализации процессуального статуса обвиняемого подобно тому, как этот вопрос решается сегодня. Дореволюционный обвиняемый как бы существовал в достаточно свободной форме. В отличие от Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР и УПК РФ этим термином обозначался не строго определённый участник процесса, вовлекаемый в уголовное дело посредством специального публично-правового акта. Хотя для справедливости следует отметить, что ст. 403 Устава уголовного судопроизводства в отличие от более ранних нормативных источников уже регламентировала некий прообраз предъявления обвинения. Обвиняемым считался некий субъект, а точнее даже объект познавательных изысканий, направленных на установление его причастности к преступлению. Фактически, дореволюционный обвиняемый скорее напоминал сегодняшнего подозреваемого. Тогда так самим

подозреваемым признавалось лицо, еще не попавшее в сферу компетенции судебного следователя и находившееся в ведении полиции, то есть человек, которого в современной доктрине принято называть заподозренным, задержанным и т.п.

Вполне очевидно, что авторы первого советского УПК просто не учли данных обстоятельств в контексте избрания меры пресечения, не придали им важного значения, а просто механически перенесли в него положения отмененного царского законодательства. Тем более, что на общем фоне достаточно репрессивных уголовно-процессуальных механизмов первых десятилетий существования советской власти эти противоречия вряд ли вообще были столь заметны и ощутимы.

Другое дело – современная модель уголовного судопроизводства, обусловленная переходом Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признанием приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и т.д. При подобном подходе предусмотренная законом зависимость применения к лицу меры пресечения от факта выдвижения в отношении него обвинения не выдерживает никакой критики.

Кроме того, существующий механизм еще и сильно усложняет порядок досудебного производства, приводит к необходимости проведения дополнительных процессуальных действий, составлению лишних процессуальных документов. Для современных следователей уже обыденностью, привычкой стала сложившаяся практика, выраженная в фактически 2-этапной процедуре выдвижения в отношении лица публичной уголовно-правовой претензии: первоначального и окончательного обвинения.

Признание лица обвиняемым и избрание в отношении него меры уголовно-процессуального пресечения – это независимые друг от друга процессуальные механизмы, имеющие принципиально разные основания для применения и различную правовую природу. Предъявление обвинения и избрание меры пресечения – пишет В.М. Корнуков – хотя и тесно связаны между собой, представляют два различных процессуальных акта. Для привлечения лица в качестве обвиняемого необходимо установить его причастность к совершенному преступлению, а для избрания меры пресечения – располагать сведениями о том, что определенное поведение обвиняемого может помешать нормальному ходу следствия [4, с. 64].

Таким образом, предусмотренное ч. 1 ст. 97 УПК РФ правовое условие о возможности применения меры пресечения лишь к обвиняемому на сегодняшний день является явным законодательным анахронизмом, подлежащим безусловному изменению. *Наиболее рациональным вариантом решения данной проблемы будет подход, предполагающий возможность применения меры пресечения на общих основаниях не только к обвиняемому, но и к подозреваемому.*

Представляется, что ни действующий закон, ни сложившаяся практика не содержат никаких существенных рисков нарушения прав подозреваемого в случае его «правового равенства» с обвиняемым в части возможного избрания в отношении них меры процессуального пресечения. Да и вообще предусмотренные ст. 46 – 47 УПК РФ процессуальные статусы не имеют особых процессуальных различий, если конечно не считать некоторых дополнительных прав обвиняемого, касающихся окончания предварительного расследования и судебного производства – то есть тех правоотношений, участие в которых подозреваемого невозможно исходя из самой сущности данного субъекта уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи Б.Я. Гаврилов совершенно прав, полагая, что современный законодатель по сути нивелировал разницу в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого [1]. Поэтому, вполне разумно предположить, что государство, предоставляя указанным лицам практически одинаковые юридические возможности, должно устанавливать режим, предполагающий тождественные формы ограничения их прав и свобод, в частности, при избрании мер принуждения.

По крайней мере, подобные новации позволят решить поднятую научно-практическую проблему, связанную с существенным нарушением прав личности, выраженном в необоснованном или преждевременном привлечении к уголовной ответственности по формальным причинам – ввиду необходимости применения меры процессуального пресечения.

Библиографический список

1. Гаврилов, Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – №. 2
2. Карнеева, Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. – М.: Юрид. лит., 1962. – С. 6.
3. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. – Воронеж: ВГУ, 1975. – С. 93.
4. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов: Саратовский университет, 1978. – С. 64.
5. Кудин, Ф.М. Избранные труды. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. – С. 348 – 349.
6. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 13.
7. Михайлов, В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Академия МВД СССР, 1991. – С. 18.